

смарование

БАРБАРА КАРТЛЕНА

Плохищенное
сердце

МИНИСТАРМ

Барбара Картленд
Похищенное сердце

«АСТ»

1966

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Картленд Б.

Похищенное сердце / Б. Картленд — «АСТ», 1966

ISBN 978-5-17-098090-1

Юная и невинная Аманда – королева в большой игре международной разведки, лучшая из сотрудников таинственного майора Айвана Джексона. Но на этот раз «королева» отказывается быть послушной исполнительницей воли майора и начинает собственную игру. Игру, ставка в которой – жизнь, а награда – любовь Айвана Джексона. Любовь, о которой Аманда мечтает с первой их встречи...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-098090-1

© Картленд Б., 1966
© АСТ, 1966

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Барбара Картленд

Похищенное сердце

© Barbara Cartland, 1966

© Перевод. Е.А. Мордашев, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Глава 1

Поток мчался по влажным от дождя улицам Неаполя, а на балконе отеля «Сплэнди-фико» застыла под дождем девушка. Порыв холодного ветра с залива заставил ее вздрогнуть от озноба. Дождь постепенно пропитывал ее черное эластичное трико и тонкий черный свитер.

Но вот девушка, словно очнувшись от размышлений, поправила черные хлопчатобумажные перчатки и не спеша прошла вдоль фасада отеля к следующему балкону, который выступал футов на двенадцать по сравнению с тем, на котором она стояла.

Пристально и задумчиво всмотревшись в него, она с внезапной стремительностью вскочила на балюстраду, одной рукой держась за резной орнамент, повторенный под каждым окном отеля со второго до десятого этажа.

Сквозь сетку дождя в свете фонарей ей видны были все выступающие по фасаду отеля балконы.

Девушка глубоко вздохнула, напряглась и прыгнула. Это был почти полет в разверстую бездну. Ошибись она хоть чуть-чуть, потеряй самообладание хоть на долю секунды, и она неминуемо разбилась бы, рухнув с десятого этажа на мостовую. Но девушка приземлилась на балюстраду соседнего балкона, а следующим прыжком очутилась на самой его середине.

Окно, выходившее на этот балкон, было слегка приоткрыто. Она прислушалась, бесшумно открыла его и влезла внутрь.

В комнате было темно. Девушка осторожно закрыла за собой окно, затем, задернув тяжелые атласные занавеси и вытянув вперед руку, прошла к письменному столу, на котором угадывались очертания настольной лампы. Щелкнул выключатель, и по комнате разлился золотистый свет.

Комната была узкая, длинная, с тремя французскими окнами, которые открывались на балкон с видом на залив. Большие удобные диваны соседствовали с великолепными резными столами с мраморными столешницами.

Комнату наполнял аромат цветов. словно весной, преобладал запах гвоздики. Но девушка, лишь мельком взглянув на них, решительно, со знанием дела направилась к мраморной каминной полке.

Над ней по обеим сторонам висели две картины кисти мастеров раннего итальянского Возрождения.

Девушка стянула перчатки и холодными пальцами начала ощупывать раму. Несколько секунд спустя она вздохнула с облегчением. Рама отодвинулась, открыв маленький сейф. Теперь ей предстояла самая трудная часть работы. Аккуратно ощупав пальцами круг кодового замка, девушка решительно стала его поворачивать, слегка наклонившись, чтобы не пропустить даже самый слабый щелчок. Она снова и снова быстро поворачивала диск, и вот дверца сейфа с легким шумом открылась.

Достав из-за пояса трико маленькую пластиковую сумку, девушка развернула ее, так что получился квадрат со стороной чуть более трех дюймов. Девушка быстро переложила в сумку деньги из сейфа и ювелирные украшения, вытащив их из белых бархатных мешочков, хранившихся в обтянутых розовой кожей коробках. Закрыв коробки, она поставила их обратно в сейф.

Меньше чем за три минуты девушка опустошила сейф, закрыла дверцу и повернула диск замка в обратном направлении.

Не суетясь, она протерла его, чтобы стереть отпечатки пальцев, поставила на место раму и, услышав щелчок закрывшегося секретного замка, протерла влажными перчатками и раму.

Осмотрев комнату и убедившись, что не оставила никаких следов, девушка выключила свет и прошла в спальню, столь же великолепно обставленную антикварной мебелью, каждый предмет которой стоил целое состояние.

Открыв дверь в ванную комнату, она взяла белый мужской банный халат и надела его. Видна была лишь маленькая головка с влажными, спадавшими на лоб светлыми волосами.

Она вышла из ванной комнаты, выключив свет, пересекла широкий коридор. Входная дверь была прочной, а кроме того, надежно укреплена задвижками и цепочками.

Девушка уже хотела открыть дверь, когда послышались голоса.

Она быстро и почти бесшумно нырнула в платяной шкаф и исчезла в его глубине. Только стукнули упавшие плечики для одежды. Но как раз в этот момент раздался звук отворяемой двери и женский смех.

– Право, не знаю, стоит ли мне поддаваться на ваши уговоры, – произнес мягкий, довольно приятный женский голос с легким американским акцентом.

– Но я только хотел бы продемонстрировать вам мою коллекцию картин. Она одна из лучших в Италии. Было бы непростительно с вашей стороны не увидеть ее. Вернувшись в Нью-Йорк, вы будете жалеть об этом, – отвечал ей мужчина.

– Не сомневаюсь! Но, к несчастью, синьор Лоренцо, у вас весьма сомнительная репутация.

– Вам совершенно не о чем беспокоиться, – ласково произнес мужчина, вероятно, в этот момент помогая своей спутнице снять пальто.

Девушка в платяном шкафу услышала, как мужчина захлопнул дверь в гостиную и включил свет.

– Бокал шампанского – это то, что нам обоим сейчас нужно, – предложил он. – К сожалению, я сегодня отпустил своего камердинера. Позвольте мне самому обслужить вас. Поверьте, это привилегия немногих!

Женщина засмеялась.

– О, синьор, вы мастер говорить комплименты!

– Как еще мне выразить, что я весь к вашим услугам? – Должно быть, говоря это, синьор Лоренцо поцеловал руку или плечо женщины, потому что раздался возглас:

– О, синьор, не надо! Вы меня смущаете.

– Это ваша вина, – проговорил итальянец. – Воистину сам святой Антоний не устоял бы против ваших чар.

– О, синьор!

Синьор Лоренцо пересек холл и вошел в кухню, находившуюся в глубине апартаментов.

Раздался звон бокалов, открылась и закрылась дверца холодильника, хлопнула пробка, вылетая из бутылки шампанского.

Хозяин номера принес в гостиную и поставил на стол поднос с бутылкой шампанского и бокалами.

– Как красиво! – воскликнула женщина.

– Превосходная оправа для такой красавицы, – ответил синьор Лоренцо. – Давайте выпьем за ваш первый визит сюда, и пусть он будет первым из многих. Впрочем, нет, это звучит недостаточно романтично. Давайте выпьем за ваши глаза, голубые и сияющие, как вода залива под первыми лучами солнца.

– За вас, синьор Лоренцо, – ответила женщина, явно польщенная.

Девушка в платяном шкафу украдкой пошевелилась, чтобы убедиться, что сможет вылезти, не производя шума, выскользнула наружу и приоткрыла дверь в коридор. Убедившись, что в коридоре никого нет, она осторожно вышла из номера, тихо закрыв дверь.

Затем не спеша пошла по коридору в ту часть отеля, где находились дешевые номера, из которых открывался вид не на залив, а на узкие, убогие улицы.

Навстречу ей попались только официант с подносом, который вежливо отвел взгляд от синьоры, возвращавшейся из ванной, и пожилая дама, ковляющаяся, опираясь на палку.

Девушка шла, наклонив голову, как бы от смущения. Она повернула за угол, затем еще раз.

В той части коридора, где ковер был потерт и горели дешевые светильники, девушка остановилась перед одной из дверей, тихо постучала кончиками пальцев, и ей тотчас же открыли.

– Тебя очень долго не было, – произнес молодой человек, у которого нога была в гипсе, голос его дрожал от волнения.

– Дорогой, не знаю, как и сказать тебе, но он вернулся.

– Кто? Лоренцо?

Девушка бросила пластиковую сумочку на кровать, которая составляла почти всю обстановку убогой комнаты.

– Все в порядке. Не беспокойся, – проговорила она. – Все здесь, все в точности так, как сказал нам Антонио.

– Но он вернулся! Ты его видела?

– Нет, я спряталась в платяном шкафу. Там было темно, душно и сильно пахло каким-то необычным лосьоном после бритья. Я страшно боялась чихнуть.

Молодой человек, хромая, отошел от двери и опустился на стул.

– Аманда, ради бога, не болтай вздор. Расскажи, что случилось. Я чуть не сошел с ума. Еще пять минут, и я пошел бы посмотреть, не разбилась ли ты, прыгая с балкона на балкон.

– Я убила бы тебя, если бы ты это сделал, Вернон. Ты выдал бы нас всех. Прыгнуть было нетрудно, и окно было открыто. Кстати, у него в комнате много хороших вещей. Мебель просто потрясающая. Ты же знаешь, как я люблю эти столы с мраморными столешницами.

– Да рассказывай же, Аманда, или я придушу тебя, – нетерпеливо проговорил Вернон.

– Подожди, я переоденусь. Шел страшный дождь, когда я вышла на балкон. Я, правда, подумала, что это даже к лучшему. В такую ночь прохожие вряд ли буду глазеть по сторонам.

– Но ведь было скользко, – вздрогнул Вернон.

– Да, немножко, но я приземлилась в точности, как на тренировке.

– Тебе не было страшно?

– Конечно, было!

– Я представлял себе, как ты, разбившись, лежишь на мостовой...

– В любом случае меня бы ни в чем не заподозрили, это осталось бы одной из тайн Неаполя.

– Заткнись! – почти крикнул ее брат. – Я начал сходить с ума от беспокойства, как только ты ушла. Никогда больше не отпущу тебя. Лучше я сам буду выполнять подобную работу.

– Ты не смог бы, даже если бы не сломал ногу. Это было не так просто, и сейф открыть было нелегко. К счастью, Антонио почти точно знал код.

– Что ты взяла? – спросил Вернон.

– Денег ровно столько, сколько говорил Антонио. Видимо, Лоренцо собирал их для выплаты зарплаты.

Она вытряхнула все из пластиковой сумочки.

– Считай, а я пойду переоденусь. Хочу убедиться, что на халате нет никаких меток. Не хотелось бы, чтобы его здесь обнаружили.

– Антонио сказал, что никто не знает, в каком номере какие халаты и полотенца. Однажды он случайно взял два. Не думаю, что кто-нибудь обратит внимание на пропажу халата.

– Ну, сегодня вечером Лоренцо, во всяком случае, вряд ли обнаружит пропажу. Ему будет не до того. – Она засмеялась.

Вернон, не отвечая, пересчитывал плотные пачки итальянских лир.

Аманда скрылась за дверью, которая вела в ее спальню, и стянула с себя свитер и влажное трико. Растеревшись насухо, она снова надела халат, потом достала из ящика комода нейлоновое, отделанное кружевами нижнее белье, а из шкафа – красивое шифоновое платье, чей светло-зеленый цвет весенних листьев очень шел к ее светлой коже и волосам цвета спелой пшеницы.

Ей понадобилось всего несколько минут, чтобы переодеться. Влажные свитер и трико она засунула в кожаную сумку, в которой лежали теннисные туфли и ракетка, а банный халат повесила в ванной на крючок.

– Вот и нет следов преступления, кроме тех, что ты держишь в руках, – весело проговорила Аманда, возвращаясь в комнату.

Вернон обернулся к ней.

– Как ты думаешь, сколько здесь? Почти двадцать миллионов лир!

– Десять тысяч фунтов, – быстро подсчитала Аманда. – И еще тысяч пять мы получим за украшения...

– Не больше, – перебил ее Вернон, – ты же знаешь, как они обычно сбивают цену, говоря, что трудно извлечь камни из оправ.

– Будь с ними пожестче. Ты не хуже меня знаешь, что завтра утром драгоценности будут в Тунисе.

– Постучи по дереву!

Она рассмеялась.

– Ты всегда боишься, как бы чего не случилось! Но ты прав: риск нам не нужен. Так или иначе, ты понимаешь, что это позволит позаботиться о старой миссис Маршам, о Генри Баркли, о семье Чапман.

– Цыплят по осени считают, – сердито возразил Вернон.

Аманда открыла ящик туалетного столика и достала пару перчаток.

– Положи драгоценности сюда, – предложила она, – а я возьму хлеб. Его принесли?

Вернон кивнул.

– Да, он в коробке, прямо за дверью. Мальчишка принес его сразу после твоего ухода.

В промасленной картонной коробке был пшеничный хлеб, который итальянцы пекут на Пасху и кладут возле алтаря, чтобы обеспечить хороший урожай в будущем году.

На Страстную пятницу женщины кладут такой хлеб в каждой часовне, украшенной во славу воскресения Господня.

На свежей хрустящей корочке были изображены пшеничные колосья.

– Теперь, когда все закончилось, я наконец могу поесть, – весело проговорила Аманда.

– До конца еще далеко, – строго заметил Вернон. – Я не успокоюсь, пока мы не сбудем все это с рук.

Аманда взглянула на деньги, лежавшие у него на коленях.

– Я полагаю, мы поменяем их на фунты, – сказала она. – Не хотелось бы мне прыгать еще раз.

– Джексон еще ни разу нас не подводил. Если этот его друг столь же надежен, как все прочие, нам будет не на что жаловаться.

– Если не считать двадцать процентов, – очень тихо проговорила Аманда.

– Моя дорогая, что бы делали такие любители, как мы, если бы не Антонио и подобные ему? Не стоит мелочиться, Аманда, и, ради всего святого, спрячь это барахло.

Она взяла нож и отрезала верхнюю часть хлеба, а потом пригоршнями стала вытаскивать мякиш, пока не осталась одна корка.

Вернон протянул ей банкноты и она засунула их внутрь, прикрыв сверху мякишем. Чтобы приладить на место верхнюю корочку, Аманда достала из комода три длинные спицы, прикрепила их с трех сторон хлеба и закрепила верхушку, проделав в ней три отверстия.

– Отлично! – сказала она, отстраняясь, чтобы полюбоваться своей работой. – Теперь завернем его в белую бумагу, так, чтобы люди видели, что мы несем.

– Я положу перчатки в карман, – сказал Вернон.

– Доставай их осторожно. Будет ужасно, если выпадут бриллианты Лоренцо!

– Придется тогда представить, что они упали с твоей шеи, – сказал Вернон.

– Ну, мое пальто из верблюжьей шерсти не подходит к бриллиантам такой величины, – засмеялась Аманда. – Да, будь я настоящей женщиной, я бы поносила их, прежде чем отдавать.

– Прекрати болтать глупости и пойдем.

Аманда улыбнулась и встала.

– Бедняжка! Я знаю, ты не любишь, когда я дразню тебя. Но все прошло хорошо, а ведь меня могли схватить.

Вернон глянул на нее с высоты своего роста.

– Послушай, Аманда, – сказал он. – Разве мы сделали недостаточно? Может, нам пора остановиться?

– Вернон, ты знаешь, что мы поклялись друг другу страшной клятвой, что расплатимся со всеми, и мы это почти уже сделали.

– Не искушай судьбу, Аманда, неужели ты не понимаешь! Давай поделим деньги, вместо того чтобы возвращать всю сумму. Если миссис Маршам вернется, двух тысяч ей будет вполне достаточно.

В его голосе больше не было гнева, он говорил почти умоляюще. Аманда отвернулась и неожиданно твердо произнесла:

– Ты знаешь, сколько сделали эти люди, чтобы обмануть папу. Подумай обо всех страданиях, которые они причинили таким невинным созданиям, как старая верная миссис Маршам и глупый старик Генри Баркли. Они страдают лишь потому, что любили папу.

Мы должны с ними расплатиться. Раньше ты ведь рисковал и сильнее, а сейчас просто завидуешь тому, что я должна делать эту работу.

– Хорошо, Аманда, ради бога, не устраивай сцен. Вы, женщины, всегда умеете настоять на своем! Я только надеюсь, что мне не придется говорить: «Я же предупреждал тебя», когда мы оба окажемся в тюрьме.

– Надеюсь, что это произойдет не в Италии! – улыбнулась Аманда. – Могу себе представить, какие здесь грязные и сырые тюрьмы.

– Надевай пальто и пойдем! – резко произнес Вернон. Аманда принесла пальто из спальни, накинула макинтош на плечи брату и, взяв хлеб, открыла входную дверь.

Они прождали лифт довольно долго, потому что обслуживание в дешевых номерах отеля было особенно скверным в обеденное время.

Часы в главном вестибюле показывали чуть больше десяти.

Аманда невольно вспомнила синьора Лоренцо и его очаровательную гостью.

Синьор Лоренцо был известен в «Сплendifико» своими любовными похождениями. Они вызывали зависть и восхищение мужского персонала отеля, а горничные бросали вслед синьору томные взгляды, мечтая когда-нибудь получить приглашение в его роскошный пентхаус.

«У него дворец и роскошное поместье всего в двадцати милях от города, но он предпочитает жить в «Сплендифико», и для нас это большая честь», – однажды поведал Аманде один из официантов.

Аманда знала, что не только щедрые чаевые, но и репутация донжуана делали синьора Лоренцо почти что героем в глазах многих людей.

Пока брат и сестра медленно шли к выходу по мраморным плитам огромного вестибюля, Аманда чувствовала, что служащие отеля бросают на них сочувственные взгляды. Светлая кожа и золотистые волосы постояльцев-бедняков будоражили воображение смуглых пылких итальянцев.

Все сочувствовали Вернону, сломавшему ногу, участливо следили за тем, как день ото дня его состояние улучшается, и постоянно расспрашивали врача, который с типичным итальянским оптимизмом подробно живописал улучшение здоровья своего пациента.

– Дождь усиливается, синьорина, – сказал Аманде швейцар, когда они с Верноном добрались наконец до вращающейся двери. – Стоит ли вам выходить сегодня вечером?

– Но мы идем в церковь, – ответила Аманда, отворачивая уголок белой бумаги, чтобы швейцар увидел пасхальный хлеб.

– О, тогда конечно! Сегодня пасхальный хлеб должен быть в церкви. Иначе вам не будет удачи.

Он остановил такси и помог Вернону сесть в машину. Они дали ему небольшие чаевые, которые он принял с благодарностью.

– Какой милый человек, – сказала девушка, когда такси тронулось.

– Они все очень милы с тобой, – заметил Вернон.

Такси быстро подъехало к церкви, построенной еще в пятнадцатом веке на пожертвования бедняков Неаполя.

Тем вечером люди нескончаемым потоком шли по ее мокрым ступеням: женщины в черных платках, мужчины с детьми на руках, американские туристы, не отрывавшиеся от своих путеводителей.

Алтарь, иконы и статуи были задрапированы парчой. Яркий свет падал только на огромные вазы с гвоздиками и снопами пшеницы. Вокруг горело множество свечей, и золотые ангелы вокруг алтаря, казалось, парили в буйстве красок и света.

Напротив, окруженный стульями для молящихся, лежал белый платок, на который прихожане бросали монеты. Женщины клали рядом с монетками пасхальные хлебцы.

Нищие на паперти протягивали руку за подаванием. Некоторые из них предлагали образки святых.

Аманда замешкалась, пытаясь протиснуться сквозь ряд коленопреклоненных женщин, и в этот момент мягкий голос подле нее произнес:

– Возможно, я смогу помочь синьоре положить ее хлеб?

Обернувшись, девушка увидела просто одетого человека в темных очках с сединой на висках.

Он говорил по-английски, как ей показалось, с нарочитым иностранным акцентом.

– Боюсь, мне трудно будет найти ему место, – произнесла Аманда первую часть пароля.

– Место можно найти, – ответил незнакомец.

– Тогда, может быть, вы будете так добры, что поможете мне? – С этими словами Аманда отдала ему хлеб, он поклонился, протиснулся сквозь толпу и исчез.

Она с облегчением вздохнула и тут же увидела Вернона, который протискивался поближе к ней. Увидев, что хлеба у сестры в руках нет, он спросил:

– Чего же мы ждем?

– Здесь так красиво, – отозвалась Аманда.

Ею внезапно овладело желание помолиться. О чем – она точно не знала. Возможно, о любви, потому что все женщины грезят о любви. Но Вернон уже повернулся и, прихрамывая, пошел к выходу. Люди расступались перед ним, видя, что его нога в гипсе и он тяжело опирается на палку.

Аманда поспешила вслед за ним. Когда они вышли на крыльцо, женщина, чье лицо почти полностью скрывал черный платок, прижимая к себе ребенка, коснулась другой рукой плеча Аманды.

– Извините, синьора, но не могли бы вы помочь мне? – произнесла она на ломаном английском. – Мой муж болен... У нас нет ни угля... ни дров... чтобы развести огонь. Может, у синьоры есть старое пальто?

– Боюсь, мы путешествуем налегке, – задумчиво произнесла Аманда. – Но... Вернон, помнится, у тебя были старые перчатки...

– Конечно, – ответил Вернон, делая вид, что смущен ее щедростью и желает быть таким же хотя бы отчасти.

Он достал из кармана поношенные кожаные перчатки, Аманда взяла их и отдала женщине с ребенком.

– Благослови вас Господь, синьора, – пробормотала женщина.

Аманда быстро повернулась к Вернону.

– Позволь мне помочь тебе спуститься, ведь ступеньки скользкие от дождя. – Когда она оглянулась, женщины с ребенком уже нигде не было видно.

Дождь становился все сильнее и сильнее, они оба промокли, прежде чем наконец водитель одного такси согласился доставить их в отель, так как ему было по пути.

– Ужасная ночь, – сказал швейцар, помогая Вернону войти. – Но, синьорина, пасхальный хлеб принесет вам удачу! – улыбнувшись, добавил он.

– Надеюсь, – ответила Аманда, – я очень на это надеюсь.

Глава 2

– В газете говорится, что слуга, Антонио, нашел все окна закрытыми, и полиция ломает голову, не зная, как воры проникли в гостиничные апартаменты.

Аманда отложила газету и рассмеялась.

– Кажется, Антонио прекрасно справился со своей частью работы.

Вернон достал из кармана пачку сигарет, закурил и произнес:

– Полицейские тоже не дураки.

– Но если Антонио закрыл окно, они вряд ли догадаются, что нашелся дурак, который совершил такой прыжок, да еще и под дождем.

– Тебе не нужно было делать это, – пробормотал Вернон.

– Ты, конечно, предпочел бы сделать это сам. Но на самом деле это не так уж трудно.

– Не говори так.

Аманда засмеялась вновь.

– Мы с тобой совершенно не похожи; я всегда боюсь заранее, а после мне кажется, будто все было сделано не мной, а кем-то другим.

– Мы не слишком-то осторожны – тихо произнес Вернон.

Аманда взглянула на силуэт Везувия, четко выступавший на фоне сияющего неба, на море, голубое и спокойное.

На горизонте виднелись смутные очертания острова Капри, а внизу в живописном беспорядке громоздились разноцветные крыши домов.

Они сидели на скамейке в городском парке, куда приехали на автобусе, захватив с собой еду. Это было дешевле, чем обедать в отеле, и больше соответствовало представлению о них как о людях, старающихся сэкономить на чем только возможно, чтобы заплатить за номер в одном из самых дорогих, расположенных возле моря, отелей города.

– Как же Антонио собирается получить свои деньги? – спросила Аманда.

– Все уже устроено. Он всегда покупает лотерейные билеты; через несколько недель он купит билет лотереи, организованной в помощь его приходской церкви. Ему достанется первый приз.

– А затем он купит себе виноградник, женится на своей черноглазой *синьорине* и будет еще счастливее, чем прежде, – вздохнула Аманда.

– Конечно, – ответил Вернон, – знаешь, сказки иногда становятся былью.

– Особенно в Италии. Знаешь, Вернон, я, пожалуй, удовлетворена этим делом больше, чем другими.

– Да, наши первые два или три дела были ужасны. Кроме того, вспомни, тогда мы были уверены, что можем доверять Джексону.

– А теперь мы можем ему доверять? – быстро спросила Аманда.

– О, я не имел в виду, что на него можно положиться как на честного человека! Но я не был уверен, что можно осуществить его планы. Однако мы сделали это!

– Конечно, – согласилась Аманда, – но странно, что мы никогда не видим его. По правде говоря, я и не помню, как он выглядит. Мы лишь получаем инструкции.

– Без него нам не удалось бы сделать все, что мы сделали. Я помню, как мы обедали вместе после смерти отца, и я тогда стукнул кулаком по столу и сказал: «Боже, я должен что-то сделать с этими свиньями! Я заставлю их выплатить каждый цент людям, которые доверяли моему отцу, а теперь страдают от своей преданности!»

– Ты говорил об этом неоднократно.

– Знаю. Я думал, что это поможет мне поверить, что рано или поздно настанет день, когда справедливость будет восстановлена.

– Я слушала тебя тогда, – произнесла Аманда, – но в глубине души не верила, что это может когда-нибудь произойти.

– Знаю. Я и сам не верил в это, и тогда вмешался Джексон. Он сказал: «Почему бы тебе не заставить их заплатить?»

– Я помню. Ты был такой подавленный и несчастный, а затем внезапно стал совсем другим. У тебя на лице появилось выражение надежды.

– Да, надежда – это самое подходящее слово.

– И именно Джексон подарил ее тебе, – мягко проговорила Аманда.

– Мне кажется, я всегда им восхищался, – со смущенной улыбкой произнес Вернон. – Когда мы служили вместе, он всегда был лучшим из нас. Все, за что он брался, все, что он организовывал и чем руководил, было всегда сделано наилучшим образом.

– Он своего рода гений в подобных делах, – заметила Аманда.

– Гений – самое подходящее слово, – согласился Вернон. – Когда он повредил спину и был комиссован из армии, нам показалось, что все пропало. Ведь он был главной нашей опорой.

– И ты не захотел там оставаться, после того как он ушел.

– Ты же знаешь, я ушел в бизнес. Это доставляло мне такое же удовольствие, как и служба в армии. Отец всегда говорил: либо армия, либо университет, а я никогда не собирался быть ученым.

– Тогда-то Джексон и стал влиять на наши судьбы, – прошептала Аманда.

– В каком-то смысле я могу понять его; это давало ему возможность что-то сделать. Доктора считали, что он не сможет вернуться к активной жизни раньше, чем через два или три года, а для него, всегда такого энергичного, это было настоящим адом: день за днем лежать и глядеть в потолок.

– По меньшей мере мы дали ему пищу для размышлений, – усмехнулась Аманда.

– Я уверен, он наслаждался этим, – улыбнулся Вернон. – Конечно, поскольку он богат, для него это было нетрудно, но я думаю, Аманда, что многие расходы по этим делам оплачивались из его кармана.

– Надеюсь, что нет! Нам не нужны ничьи подачки. Иначе зачем бы мы занимались подобными делами?

– Знаю, – примирительно проговорил Вернон, – но когда я попытался заговорить об этом с Джексоном, он просто велел мне делать все в соответствии с его распоряжениями. Я сказал ему: «Отлично, вы босс» – и оставил все как есть.

– Он не босс, – с нескрываемым раздражением произнесла Аманда. – Может быть, это была его идея, может быть, он планирует операции, но мы сами выполняем всю работу и делаем это ради наших людей.

– Хорошо, хорошо, – сказал Вернон, – чем, собственно, мы недовольны?

– Мне неприятно чувствовать себя марионеткой в чьих-то руках. Знаешь, Вернон, когда я на Страстную пятницу собиралась прыгнуть с одной балюстрады на другую, мне вдруг показалось, будто Джексон рядом со мной, что он подталкивает, подгоняет меня.

– Телепатия! – засмеялся Вернон. – Нам читали лекции об этом вздоре, но Джексон верит в него. Немного жутко об этом думать.

Неизвестно почему Аманду внезапно охватило раздражение, едва ли не злость против человека, который умен, богат и успешно руководит их действиями.

Ее брат был не столь удачлив: спускаясь с отвесной скалы, он поскользнулся и сломал ногу. Конечно, все могло кончиться и хуже, но ей пришлось терпеть скверный характер Вернона, пока он предавался вынужденному безделью и только наблюдал, как она делает ту работу, которую он любил.

Ей стало жаль его. Улыбнувшись, она нежно положила руку на колено брата и сказала:

– Давай не будем заниматься самокритикой. В нашем списке стало на три или четыре фамилии меньше. Каковы наши дальнейшие действия?

– Инструкции на этот счет должны поступить этим утром.

– Так скоро?

– Я не думаю, что Джексон хочет, чтобы мы болтались рядом с местом преступления. Он всегда утверждал, что это опасно. Это все равно что бомбардировки во время войны: бомбардировщики, сбросив бомбы, должны сразу же возвращаться на базу.

– Но наш отъезд из отеля не должен напоминать поспешное бегство, – заметила Аманда.

– Сегодня Пасха. Если мы улетим завтра, то практически ничем не будем отличаться от других туристов.

Аманда смотрела на залив и думала о том, сколько веков люди смотрели отсюда на море, мечтали, и их беды растворялись в совершенной красоте пейзажа.

– Я хочу остаться, – сказала она, словно сама себе.

– Но ты не можешь! – проговорил Вернон. – Нам велено уехать завтра же, а сегодня вечером мы пойдем в твой любимый ресторан «Санта Тереза», что на набережной, и сможем провести время, как тебе захочется.

– Это будет здорово! – воскликнула Аманда. – И все же я хотела бы остаться здесь. Так много еще хочется посмотреть. С пасхальным хлебом Джексон это ловко придумал, – добавила она, помолчав.

Вспомнив о церкви, девушка вновь погрузилась в воспоминания о прекрасном свете, заливавшем часовню. Тогда она так и не успела помолиться.

Она снова ощутила что-то смутное, поднимавшееся из глубин ее подсознания, чему не было названия и что тревожило ее.

Вернон прервал ее размышления.

– В газетах, – заметил он, – пишут, что номера многих банкнот известны.

– Нам же говорили, – откликнулась Аманда, – что полиция всегда дает в газеты подобную информацию, чтобы испугать воров.

– Я не верю, что в номерах есть какая-либо последовательность, – ответил Вернон. – Я же видел: они шли в полном беспорядке. Уверен, что Лоренцо, как всегда, взял деньги в банке для еженедельной выдачи зарплаты, как нам и говорил Антонио.

– Надеюсь, эти несчастные рабочие на фабрике все же получили свои деньги! – с беспокойством проговорила Аманда.

– Он должен им заплатить. Не правда ли, это цинично, что такой богатый человек, как Лоренцо, сам лично распоряжается своими деньгами? Джексон говорил, что он не доверяет ни кассиру, ни бухгалтеру, ни управляющему. Сам берет из банка деньги и лично платит каждому.

– Это нам на руку! – воскликнула Аманда и рассмеялась.

– Что касается ювелирных украшений, – продолжал Вернон, – то Джексон связан с великолепной организацией, которая вытаскивает драгоценные камни из оправ, делает новую огранку и новые оправы. Через несколько часов ни одну вещь уже невозможно узнать.

– Не рассказывай мне об этом, – взмолилась Аманда. – Мне нестерпима сама мысль о том, что эти прекрасные вещи, некоторые – старинные, будут сломаны.

– Ты предпочла бы оставить их Лоренцо?

– Нет, конечно! Но я хотела бы, чтобы он знал, что это наша месть за то, как он обошелся с отцом.

– Вот уж этого ему не следует знать! Стоит полиции получить хотя бы малейшую зацепку, она быстро размотает клубок и выйдет на наш след.

– Да, конечно, – согласилась Аманда, – но Джексон придумал неплохие способы заматывать наши следы. Не правда ли?

– Несомненно. Старая миссис Робинсон получила тысячу фунтов от кухни, умершей в Австралии, хотя и не могла ее вспомнить.

– Грустно, что мы не видим их лица в тот момент, когда они получают деньги!

– Только бы у Джексона не иссякли идеи, – произнес Вернон. – По правде говоря, если нам удастся следующее дело, оно будет последним.

– Последним?

– Да, если нам удастся взять двадцать пять тысяч у Макса Мэнтон.

– Макс Мэнтон, – задумчиво произнесла девушка. – Что мы о нем знаем?

Вернон достал из кармана несколько листков бумаги.

– Я расшифровал письмо Джексона, но он, кажется, думает, что мы все знаем о Мэнтоне. Может, он кинозвезда или кто-нибудь в этом роде?

– Знакомое имя, – сказала Аманда, – но я не могу вспомнить ничего конкретного... Макс Мэнтон... Может быть, он как-то связан с театром?

– Господин, который нас интересует, в настоящий момент живет на вилле в окрестностях Ниццы. Мы должны вылететь туда завтра.

– Лазурный берег! – воскликнула Аманда. – Я там не была с тех пор, как папа брал нас с собой туда, когда мы были подростками. Но мы лишь ненадолго останавливались там по дороге в Италию. О, Вернон, как это прекрасно!

– Я бы тоже радовался, если бы не проклятая нога. А сейчас я слишком волнуюсь за тебя: мы должны будем отправиться туда порознь.

– Порознь? – почти выкрикнула Аманда.

Вернон разгладил свои листки.

– Джексон настаивает на том, чтобы мы летели не вместе.

– О, мне все это не нравится!

– Послушай, что пишет Джексон: «Макс Мэнтон – странный, непредсказуемый человек, с которым нужно вести себя очень осторожно. Для Аманды самое важное – попасть на виллу и, если удастся, остановиться там. Это будет не так-то просто».

Вернон на мгновение остановился и взглянул на сестру. Она, нахмурившись, смотрела на море, будто старалась что-то припомнить.

Внезапно она воскликнула:

– Вспомнила! Я знаю, кто он. Мы оба просто дураки, что не вспомнили сразу.

– И кто же он?

– Ты знаешь его, конечно, знаешь! Он написал необычайно скандальную пьесу об американском политике. Когда ее поставили, правительство было вынуждено уйти в отставку. Неужели ты не помнишь? Она называлась «Секретный портфель».

– О господи! Конечно! Неужели это тот самый человек?

– Имя автора было Макс Мэнтон. Он разоблачил скрытый подкуп, способ, которым сенаторы получают взятки.

– Я вспомнил! Ходили слухи, что его преследовали и даже посадили в тюрьму. Но все кончилось ничем: когда пьеса сошла со сцены, он уехал из Америки. Кстати, ты не знаешь, кто он по национальности? Случайно, не латиноамериканец?

– Нет, не думаю. Возможно, в нем смешалось всего понемногу. Думаю, что у него в жилах течет и английская кровь. Так писалось в наших газетах. И еще я вспомнила, что у него великолепная коллекция современной живописи.

Аманда повернулась к брату.

– И что мы должны будем делать?

– Прежде всего прилететь на место. Джексон все спланировал, но он пишет, что хотел бы лично дать нам все инструкции. Ты должна встретиться с ним в Ницце, и он скажет, что тебе делать.

– Джексон придет в Ниццу? – Она почувствовала, как у нее екнуло сердце от страха. – Вернон, мне это не нравится. Я не хочу жить отдельно от тебя. Я боюсь этого Макса Мэнтон.

– И кто сейчас занимается пустой болтовней? – пошутил над ней Вернон.

– Да, ты прав. Я всегда сама не своя накануне дела. Но на сей раз я чувствую, что все будет прекрасно. Сколько, ты сказал, мы можем взять?

– Не меньше двадцати пяти тысяч фунтов. Конечно, мы примем во внимание все неотложные случаи.

– Они все неотложные. Мы лишь выбираем те из них, которые и вправду не терпят никаких отлагательств.

– Хотел бы я на это надеяться. Но ведь мы не сможем выплатить два миллиона, если не больше?

– Мы заботимся лишь о наших людях. Дорогой старой Гейли, нашей гувернантке, мы высылаем тысячу фунтов; Нанни Браун – жалкие пятьсот фунтов. Это были все ее сбережения. Я помню, как папа сказал: «Дай их мне, Нанни; я не только сохраню их, я их удвою до того, как они действительно тебе понадобятся».

– Не надо, Аманда! – почти прокричал Вернон. – Мы говорили об этом сотни раз, и я больше не могу об этом слышать. Ты не хуже меня знаешь, что я всегда был против таких поспешных поступков, особенно со стороны людей вроде Нанни.

Повинуясь внезапному порыву, сестра взяла его за руку.

– Я знаю, дорогой, – сказала она, – и я люблю тебя за это. Так прекрасно, когда мужчина способен чувствовать так сильно.

– Черт, я виню себя за то, что втянул тебя в это дело. Но Джексон уверял, что не имеет никакого значения, мы с тобой или я один осуществим операцию.

– Джексон! Джексон! – раздраженно повторила Аманда. – Он словно бог, сидит где-то наверху и манипулирует нами с помощью пульта дистанционного управления. Мы не можем ни жить, ни дышать, ни есть, ни спать без позволения Джексона. А ведь я говорила тебе, что даже не помню, как он выглядит.

– Скоро ты его увидишь. Он пишет, что ему лучше и он уже снова учится ходить.

– Я видела его дважды. Однажды, когда ты приехал в отпуск, ты привел его к ужину. В тот вечер мне нужно было куда-то уходить, и я только поздоровалась с ним. Помню, потом я все время думала, что лучше мне было бы остаться дома.

– А второй раз? – спросил Вернон.

– Это было уже после того, как ты решился на мое участие в деле. Он зашел навестить нас уже после того, как дом на Керзон-стрит был продан. Джексон предупреждал, что может зайти, но просил не делать никаких специальных приготовлений.

Аманда замолчала, погрузившись в воспоминания.

– Мы уже собирались ложиться, – снова заговорила она, – когда раздался звонок в дверь. Я не ожидала, что он будет на носилках. Для меня это было настоящим шоком.казалось, на его лице жили только глаза: большие, глубокие. Его гипнотический взгляд испугал меня. Он произнес: «Вы все сделаете, особенно если вы так хороши, как говорит ваш брат». Я была вне себя, но не могла же я нагрубить больному человеку?

– Джексон всегда был резковат, – сказал Вернон. – Теперь и я припоминаю, что в тот раз он был не слишком любезен. Он сказал, как мы должны действовать в нашем первом деле Каннингема Смита, а затем заявил: «Мы не должны больше видеться. Это слишком опасно. Но я буду присылать вам все необходимые инструкции. Ваше дело – лишь выполнять их!»

– Но это настоящая тирания! – воскликнула Аманда.

– Он казался таким больным, – вспомнил Вернон, – что я усомнился, получим ли мы от него что-нибудь, кроме завещания.

– Я испытывала в его присутствии только леденящий страх. Мне стало легче только тогда, когда он попросил позвать своего слугу и удалился.

– Хорошо еще, что в том доме был большой лифт!

– Это было излишне театрально. Почему мы не могли зайти к нему?

– Если кто-нибудь увидел бы, как мы направляемся к нему, нас могли заподозрить в знакомстве с ним. А этого Джексон всячески старался избежать.

– Мне он не нравится! – горячо воскликнула Аманда. – Я понимаю, что он оказал нам огромную услугу и что мы должны быть ему благодарны! Но, сказать по правде, мне не хотелось бы встречаться с ним еще раз.

– Ты не должна судить о нем по тому, как он вел себя в тот вечер, – заметил Вернон. – На его месте любой другой остался бы в постели. Но не Джексон. Это, бесспорно, свидетельствует о его мужестве.

– Я согласна, – не без раздражения вынуждена была добавить Аманда, – и все же, не знаю почему, но я боюсь того, что нам предстоит сделать.

– Глупости! – резко бросил Вернон, но в его голосе тоже чувствовалось беспокойство.

– Нам так везло пока. Стоит продолжать? – выговорила Аманда.

– Нет, если ты этого не хочешь.

– Конечно, хочу. Джексон давал нам возможность хоть понемногу помогать каждому нашему подопечному. Если мы получим больше, мы сможем увеличить выплаты.

– Это рискованно, – ответил Вернон. – Каждый может выиграть в лотерею или получить вознаграждение за свое хорошее отношение к незнакомцу, когда тот был еще ребенком, но постоянные подарки такого рода привлекут внимание газет, и что тогда?

– О, Джексон знает ответы на все вопросы, – устало проговорила Аманда. – Я это прекрасно понимаю.

– На что же ты тогда жалуешься? О боже! Если бы только я не сломал тогда так подурачки ногу, я смог бы сделать все один, а ты бы спокойно вернулась в Англию.

Аманда улыбнулась.

– У меня такое чувство, что я буду тебе очень полезна.

– Что ж, будем надеяться, – сказал Вернон. – Если мы справимся с этим делом, то уйдем на покой. Подумай, как это было бы здорово! Мы вернемся в Англию, найдем работу, перестанем вздрагивать при встрече со случайным полицейским. У меня никогда не было такого сочувствия к мошенникам, как сейчас.

Аманда наклонилась и поцеловала его в щеку.

– Я люблю тебя. Ты самый дорогой для меня человек во всем мире, и, знаешь, несмотря ни на что, последние месяцы были очень волнующими. Не то что работать секретаршей в какой-нибудь ужасной конторе.

– Думаю, что опасность, которой мы подвергаемся, избавляет нас от чувства вины, – сказал Вернон.

– У меня нет никакого чувства вины, – прервала его Аманда. – Эти люди обманули папу, довели его до банкротства и самоубийства. – Ее голос оборвался на полуслове, однако она продолжала, не обращая внимания на брызнувшие из глаз слезы: – Они могли спасти его. Все они богаты, но никто не захотел рискнуть своими деньгами. И почти все они выгодно продали свои акции. А когда фирма обанкротилась, никто из них не пострадал.

– Полагаю, отец предвидел грозящий фирме крах, – сказал Вернон.

– Думаю, что да. Но что он мог поделать? Все его деньги, деньги его друзей и тех людей, которые любили его и доверяли ему, были вложены в эту фирму. Это был семейный

бизнес. Он принадлежал Аркрайтам на протяжении четырех поколений, и ты должен был стать представителем пятого поколения.

– Если бы я был дома, возможно, я спас бы дело, – произнес Вернон.

– Я знаю, что ты все время думаешь так, – поспешно вмешалась Аманда, – но я уверена, что это ничего бы не изменило. Люди больше не хотели покупать те товары, которые выпускала наша фирма. Начать новое производство – это стоило очень дорого, а папа уже вложил в дело все, что имел, кроме нескольких тысяч, которые отложил при нашем рождении. – Если бы я только догадывалась, почему он так обеспокоен! – заметила Аманда. – Бедный папа был слишком мягок для предпринимателя, в нем было слишком много сочувствия и понимания в отношении окружающих. Он помогал многим людям, которые не всегда этого стоили.

– Я рад, что он поддерживал таких, как бедный старый Том. Хорошо, что благодаря Джексону нам удалось обеспечить Тома до конца его дней.

– И какое же объяснение придумал тогда Джексон? – спросила Аманда.

– Футбольная лотерея. Нанятый для этой цели человек попросил его заполнить билет. Тома едва не хватил удар, когда он узнал, что выиграл сто тысяч фунтов.

– А он не рассказал о счастливой лотерее своим друзьям? – спросила Аманда.

– Неделию спустя Том получил письменное уведомление. В нем сообщалось, что в связи со смертью менеджера лотерея «Счастливая подкова» на некоторое время приостанавливает свою деятельность, но он будет непременно поставлен в известность, когда она возобновится.

Аманда откинулась назад и засмеялась.

– Твой друг Джексон очень умен. Он действительно продумывает каждую мелочь.

– Вот и скажи ему это при встрече!

– Ты сам можешь сказать ему это. Или он не предполагал встречаться с тобой?

– Надеюсь, что мы все-таки встретимся.

– О, Вернон, как это тяжело для тебя! Он твой друг, твой герой, и вместо того чтобы пригласить тебя выпить, он назначает встречу мне!

– Не думай, что меня это задевает, – произнес Вернон, но по его тону было ясно, что это не совсем так.

– Надо возвращаться в отель, – сказала Аманда, вставая. – Я должна собрать чемоданы, и еще я хотела бы прогуляться при луне по набережным Неаполя. Я думаю, это самое романтическое место из всех, что я когда-либо видела.

– Тебе надо было бы приехать сюда на медовый месяц, – произнес Вернон.

– Медовый месяц! – воскликнула Аманда. – Кто, как ты думаешь, захочет взять меня в жены? Я почти что преступница. Подумай, как трудно мне будет хранить в тайне от человека, которого я люблю, мое темное прошлое.

– Знаешь, это иногда беспокоит меня, – сказал Вернон. – Если когда-нибудь мы задумаем вступить в брак, мы ведь должны будем рассказать обо всем своим избранникам.

– А я думаю, что каждому из нас придется хранить эту тайну до конца наших дней. Если мы расскажем кому-нибудь, то однажды тайна перестанет быть тайной, а она должна уйти с нами в могилу.

– Наверное, ты права, – согласился Вернон, – и надеюсь, что я никогда не потеряю бдительности и не захочу исповедаться в своих грехах. Но у меня есть совесть и чувство вины, на что и рассчитывают такие люди, как синьор Лоренцо.

– О, Вернон, не беспокойся о нем! – сказала Аманда. – Он богат, и Антонио говорил, что он ужасный скряга. Он даже делает пометки на початых бутылках вина, чтобы официанты не прикладывались к ним.

Вернон засмеялся.

– Ты просто несправимая сплетница!

– О, я не верю и половине из того, о чем рассказывает Антонио, но я должна признать, что он очень хитер.

– Кстати, – перебил ее Вернон, – не забудь, что мы не должны больше разговаривать. Таковы строжайшие указания Джексона.

– К черту Джексона! Давай забудем о нем, хотя бы до завтра. Он скучен и опасен: я так и чувствую, что он протягивает руки, чтобы связать нас с ним цепью, которую невозможно порвать.

– Что за мелодраматический вздор! – резко возразил Вернон.

– А что касается Макса Мэнтонна, – продолжила Аманда, – я думаю, что у нас с ним будут большие трудности и неприятности. Давай забудем и о нем тоже!

– Давай развлечемся в оставшееся нам время! Спустим все деньги, что у нас есть!

– Когда я встречусь в Ницце с ужасным Джексонном, я скажу ему, что мы банкроты. Если он и дальше хочет сочинять свои триллеры, пусть платит за них.

– Послушай, Аманда, – с легким укором произнес Вернон, – думаю, что ты ведешь себя неблагодарно и неразумно. Что бы мы делали без Джексона?

– И вправду, что? – насмешливо переспросила Аманда. – Мы были бы обычными уважаемыми гражданами, которым не грозили бы четыре или пять тюремных сроков, в случае если их схватят!

Глава 3

Аманда проснулась, когда солнце едва начало золотить крыши домов.

Внезапно она почувствовала неодолимую потребность сбежать из отеля, скрыться от ощущения постоянной тревоги, которая нависала над ней и Верноном, как туча, скрыться даже от самого Вернона.

Ей захотелось быть свободной, забыть обо всем, даже о желании отомстить обидчикам отца.

Она быстро оделась и поспешила выйти на улицу. Вода в заливе была прозрачна; над горизонтом плыла легкая дымка, и не видно было, где сливаются море и небо. У подножия светло-фиолетового Везувия, словно символизируя весну, цвел миндаль. Некоторое время девушка стояла, чувствуя, как морской ветер ласкает ее лицо. Джексон и его планы в тот момент казались ей далекими и незначительными.

– Я хочу быть собой, – произнесла про себя Аманда. – Не хочу ни от кого зависеть! Я женщина, и мне хочется совсем другого. – Перед лицом торжествующей весны ей хотелось любить и быть любимой. Хотелось трепетать от прикосновения любимого. Ощущать на своих губах его властные и теплые губы.

Она устала карабкаться по стенам домов, прыгать с балкона на балкон, грести против течения или скакать верхом, пока лошадь не свалится замертво.

Они с братом шли на это, чтобы покарать врагов своего отца и вознаградить его друзей.

– Но так не может продолжаться вечно, – вздохнула Аманда, страстно желая, чтобы Вернон был прав и предстоящее дело оказалось последним. – Но что мы будем делать потом?

Она устремила невидящий взор на горизонт, и тут из-за завесы тумана неожиданно прорвались лучи солнца и засияли над морем. Это был настоящий взрыв красок, и девушка увидела в этом особый знак. Возможно, и на самом деле все будет хорошо.

Она вернулась в отель успокоенная, умиротворенная и, войдя в вестибюль, подумала, что с радостью простится с этим местом.

Аманда не знала, чего именно боится, но ей было тяжело находиться под одной крышей с Лоренцо и Антонио. Вернон уже ждал ее и вздохнул с облегчением.

– Я уже стал беспокоиться, не случилось ли что с тобой! – воскликнул он.

– Видимо, я задержалась дольше, чем предполагала, – виновато ответила Аманда.

– Скоро нам нужно ехать. Ты уложила вещи?

– Я не собирала чемоданы. Ты же знаешь, у нас есть указание брать с собой только самое необходимое.

Она произносила эти слова раздраженно, но Вернон старался не обращать на это внимания.

– Джексон все тщательно продумывает, – проговорил он.

– Джексон! Джексон! Джексон! – чуть не закричала Аманда. – Меня тошнит от одного этого имени!

– Что с тобой? Почему ты кричишь?

На мгновение Вернон остановился, а затем добавил:

– Впрочем, я ждал подобной реакции.

– О, ради всего святого! – воскликнула Аманда. В ее голосе слышались и смех, и слезы. – Не пытайся изображать из себя психоаналитика! Дорогой Вернон! Я тебя обожаю, но твои мускулы гораздо лучше твоих мозгов.

– Меня мало трогает твоя грубость, – улыбнулся Вернон. – Я радуюсь жизни и обдумываю предстоящую работу.

– А я нет! Хотя, как ты сказал, именно мне придется делать все, а тебе – ничего.

– Джексон не писал ничего подобного, – резко возразил Вернон. – Он лишь написал, что мы будем работать по отдельности.

По голосу брата Аманда поняла, что задела его самолюбие, и тут же почувствовала раскаяние.

– Ты же прекрасно знаешь, что сделал гораздо больше меня. Прости, но сегодня утром я чувствую себя настоящей стервой. Ты прав: этого следовало ожидать.

– Ты прекрасно выглядишь, – проговорил Вернон.

Улыбнувшись про себя, Аманда подумала, что он вспомнил старое правило: если женщина спорит с тобой, польсти ей, и она растает.

Но ей не хотелось расстраивать брата. Она собрала вещи, позвонила и вызвала носильщика.

– Ты не представляешь себе, как хорошо на улице, – сказала девушка, пока они ждали его. – Все вокруг будто создано для отдыха богов. Неудивительно, что римляне так любили эти места.

– Я не могу сейчас думать об истории, – ответил Вернон. – Вчера я был не против того, чтобы взглянуть на древние, седые развалины, сегодня мои мысли слишком заняты.

Аманда подумала, как хорошо было бы хоть раз поговорить с кем-нибудь, кому интересно то же, что и ей: люди, история, забытые цивилизации, народы, которые создали великие империи...

Но прежде чем она успела ответить брату, пришел носильщик.

«Не привлекайте к себе внимание, – советовал им Джексон. – Потертые чемоданы, незаметная одежда», – такие инструкции они получали от него перед началом каждого дела. Но Аманда знала, и это тешило ее самолюбие, что, куда бы они ни приезжали, они не оставались незамеченными.

Они оба были красивы. Вернон – высокий, светловолосый, типичный греческий атлет. Она миниатюрная, светловолосая и голубоглазая, с безупречной грацией. Ее сочные алые губы и огромные глаза были возбуждающе таинственны.

– Даже Джексону не удастся заставить нас слиться с толпой, – проговорила она вслух.

– Не вздумай говорить ему об этом. Он представляет нас серыми мышками, которые копошатся в своих норках и на которых никто не обращает внимания.

– Это лишь доказывает, что Великий Джексон не так умен, как ты мне все время твердишь, – улыбнулась Аманда.

– Не знаю, почему ты так настроена против него. Он же помогает нам.

– У меня ощущение, что каким-то непостижимым образом он извлекает из всего этого свою выгоду.

– Какую же? Каждый пенни, украденный нами, мы посылали людям, включенным в тот список, что мы вручили Джексону.

– Я имею в виду не деньги! – сказала Аманда, не в силах объяснить, что имела в виду. Вернон, утомленный спором, замолчал.

Уже в самолете мысли Аманды вновь обратились к Джексону. Почему он им помогает? Предстоящая встреча пугала ее.

Ей захотелось попросить Вернона написать Джексону, что они передумали, что довольно уже того, что они сделали...

Но она знала, что Вернон принес клятву. Это был его крестовый поход, и это был единственный способ довести дело до конца.

– Я буду работать до конца своих дней, чтобы выплатить всем, – заявил Вернон, когда они в самом начале заспорили по поводу сотрудничества с Джексоном. – Но ты не хуже меня знаешь, что большинство людей, которым мы хотим помочь, умрут раньше, чем я заработаю

достаточно. Кроме того, почему именно те, кто содействовал банкротству отца, должны уйти от ответа? Если бы я мог пустить по миру их всех, я бы так и сделал.

В голосе Вернона звучала бессильная ярость, и Аманда сказала единственное, что могла сказать в этой ситуации:

– Я помогу тебе, конечно, помогу.

Макс Мэнтон! Она подумала, что все их прошлые дела – каждая опасность, каждое преодоленное препятствие – были лишь репетицией перед этим окончательным экзаменом.

Аманда решила, что попросит Джексона поподробнее рассказать ей о Максе Мэнтоне, хотя в глубине души была почти уверена, что он не захочет делиться с ней всей информацией.

Она крепко жала руку брата.

– Мне очень не хочется расставаться с тобой. Мне хорошо, только когда мы вместе. Я не верю, что смогу справиться одна.

– Мы должны действовать так, как указывает Джексон. Не стоит ненавидеть его, это неразумно с твоей стороны, Аманда.

– Я не столько ненавижу, сколько боюсь его.

– Это смешно, – возразил Вернон. – Я страшно ему признателен, и ты тоже должна быть ему благодарна.

– Не обращай внимания, – уступила Аманда. – Я буду очень любезна с мистером Джексоном, обещаю тебе.

– Я лишь хочу, чтобы ты реально оценивала ситуацию.

– Я и оцениваю. И это пугает меня. Кстати, его ведь нельзя называть Джексоном? Но ты постоянно называешь его по фамилии, и я теперь не могу даже мысленно назвать его «майор» или какое там у него звание?

– Одно время он был командиром бригады, – гордо произнес Вернон. – Думаю, его официальное звание – майор, что дает ему право на соответствующую пенсию. К счастью, для него это не имеет значения.

– Почему? Он так богат?

– Я не знаю, но думаю, что достаточно богат.

– Мне кажется, ты знаешь о нем очень немного, а вот я собираюсь узнать о мистере Джексоне как можно больше, раз уж он играет столь важную роль в нашей жизни. Могу поспорить, что он-то знает о нас все.

– Только постарайся быть повежливее, Аманда. Я знаю, что, как только ты его увидишь, ты не сможешь устоять перед его обаянием. Все его подчиненные обожали его.

– Скоро мы с ним встретимся, – сказала Аманда, взглянув на часы. – Сколько нам придется ждать в Риме рейса в Ниццу?

– Всего полчаса. Насколько я помню, там новый аэропорт. Все это время уйдет у меня, чтобы доковылять до места посадки.

– Если хочешь, я повезу тебя в инвалидном кресле.

– Только попробуй! Я не инвалид.

– Раз я не смогу быть рядом с тобой, не забывай, что после того, как снимут гипс, тебе потребуется продолжительный отдых.

– Я могу обойтись без няnek, – решительно проговорил Вернон. Аманда промолчала.

Остаток путешествия обошелся без происшествий. Когда самолет сел в Ницце, Вернон заявил:

– В аэропорту мы возьмем разные такси. Я поеду в отель «Негреско», а ты – в «Марин».

– Что я буду делать потом? – спросила Аманда.

– Расплатишься с таксистом и подойдешь к стойке администратора, где для тебя будет заказана машина, которая отвезет тебя к месту назначения.

– Насколько я понимаю, это нужно, чтобы замести следы. Почему ты не сказал мне об этом заранее?

– Я полагал, это может тебя встревожить.

– О, Вернон, мне это не нравится! Я не хочу одна встречаться с Джексонем. Мне хотелось бы, чтобы ты поехал со мной.

– Не смей меня! Я думаю, это всего-навсего мера предосторожности. Через день-два мы будем вместе.

– Ты не хуже меня знаешь, что этого не будет, что мне нужно постараться попасть на виллу Макса Мэнтонна. Я надеюсь, тебе надоест торчать в «Негреско». Я всегда считала Ниццу отвратительным городом.

– Монте-Карло неподалеку, – мягко заметил Вернон. – Возможно, Джексон предложит мне переехать в «Hotel de Paris»!

– Ты не можешь себе этого позволить. «Негреско» как раз нам по средствам. Надеюсь, ты найдешь там кого-нибудь, с кем сможешь поговорить.

– Маловероятно, – задумчиво проговорил Вернон. – О боже, Аманда, если бы не эта проклятая нога!

– Прости, дорогой. Это продлится недолго. Я уверена, что Джексон приготовит для тебя что-нибудь особо опасное, как только тебе станет лучше. Я знаю, что только мысль об этом способна тебя развеселить.

– Представь, как тебе повезло! Ненавижу сидеть и ждать.

– Да, я знаю. Хочешь, я попрошу Джексона, чтобы он приостановил все дело, пока ты не поправишься?

Вернон невесело рассмеялся.

– Если Джексон что-то задумал, он ни за что не поменяет своих планов.

Аманда погладила брата по руке и стала собирать вещи, готовясь к посадке.

– Я не смогу с тобой разговаривать после того, как мы пройдем через таможню, – шепнул ей Вернон, когда они шли по проходу.

Аманда кивнула, но почувствовала себя одинокой и забытой. Его багаж проверили быстрее, чем ее. Она видела, как брат, ковыляя, уходит прочь, а носильщик несет его чемоданы.

В такси она назвала адрес отеля «Марин». Это был довольно приличный, но неприметный отель.

У стойки администратора ее ждало письмо, и, вскрыв конверт, Аманда воскликнула:

– Извините, но я не могу остановиться здесь. Вызванная для меня машина отвезет меня к другу.

– Это большая потеря для нас, мадемуазель, – галантно произнес портье. – Надеюсь, мы сможем вам помочь при случае.

– Возможно, я вернусь через день-два, – пообещала Аманда. – Я была бы очень признательна, если бы кто-нибудь помог мне вынести багаж.

Она дала чаевые носильщику, и в этот момент подъехал вызванный швейцаром черный «ягуар» с французскими номерами.

Шофер был молчалив, она ограничилась краткими: «Merci bien», и они тронулись в путь.

Машина выехала за город и понеслась по горной дороге к Монте-Карло.

Через несколько минут они свернули на довольно крутую дорогу, которая уводила от моря, а вдалеке возникли заснеженные вершины Альп.

Здесь Аманда не бывала никогда; она с интересом осматривалась по сторонам, гадая, куда ее везут. Еще миль через пять машина свернула с дороги на подъездную аллею, вдоль которой стояли деревья в цвету. В конце аллеи девушка увидела старинную ферму.

Это было совсем не похоже на то, что Аманда предполагала увидеть. Машина проехала по гравии и остановилась напротив старинной деревянной двери дома.

Когда она вышла из машины, слуга, одетый в белое, поспешил ей навстречу.

– Добрый день, мадемуазель. Месье ждет вас, – произнес он по-французски.

Шофер вытащил ее чемоданы из багажника, и Аманда молча прошла в дом.

Он был обставлен просто и в то же время изысканно. Следуя за слугой, она прошла через гостиную и оказалась на залитой солнечным светом террасе. Перед открытым окном сидел человек.

– Мадемуазель пришла, месье, – произнес слуга тихо и почтительно.

Мужчина повернул голову к Аманде, и она впервые разглядела лицо Джексона с крупными и неправильными чертами и невероятно живыми и яркими глазами. Глубокие морщины шли от носа к уголкам губ. Это лицо чем-то отталкивало, но забыть его было невозможно.

Он улыбнулся, и девушка поняла, почему Вернон и все остальные обожали своего командира.

– Наконец-то, – сказал Джексон тихо, но в голосе его слышался металл. – Я уже начал думать, что мы никогда не встретимся.

Аманда увидела трость рядом с его стулом, подошла и протянула руку.

– Здравствуйте, – произнесла она несколько натянуто.

– Жан, принесите нам кофе! – громко приказал слуге майор Джексон.

– Все готово, месье, – ответил тот.

Майор показал девушке на удобное кресло подле себя.

– Проходите и присаживайтесь, – скорее распорядился, чем пригласил он. – Удачно добрались? Как нога Вернона?

– Лучше, гораздо лучше. Но ему необходим отдых. Я боюсь, что он будет слишком много работать без меня.

– Он будет делать, как вы скажете. Я присмотрю за этим. Я собирался пригласить сюда вас обоих, но мне не хотелось бы, чтобы вас как-то связали со мной.

Ей казалось, что он не только внимательно разглядывает ее с головы до пят, но и старается разгадать то, что она хотела бы скрыть. Она старалась держаться отстраненно, чтобы не дать ему проникнуть в ее внутренний мир.

– Вы очень милы, – задумчиво сказал Джексон. – Я помнил, что вы красивы, но не предполагал, что вы настолько прекрасны.

– Вы видели меня лишь однажды.

– Но я редко что-нибудь забываю.

– Вам явно лучше, – сказала Аманда, когда удалился слуга, поставив на стол поднос с кофе, бутылкой вина и бокалами.

– Гораздо лучше. Врачи сотворили чудо. Я могу ходить, правда, пока не очень быстро и с палкой. Говорят, что если я буду упорно тренироваться, то через год приду в форму.

Затем он добавил, горько скривив губы:

– Но мои лучшие армейские деньки уже не вернутся.

– Это неизбежно! Армейская жизнь только для молодых людей.

Сказав, Аманда почувствовала, что это прозвучало жестоко, что она ранила его самолюбие. Но майор Джексон только произнес:

– Вижу, вы очень практичны и этим сильно отличаетесь от своего брата-идеалиста.

Аманда почувствовала, что это его замечание задело ее, но почему-то не ответила колкостью.

Джексон показался ей даже более страшным и отталкивающим, чем она представляла себе. Он умел подчинять себе людей.

Джексон пил кофе без сахара и сливок. Аманду это не удивило. Теперь она отмечала каждую мелочь в его облике: черные волосы гладко зачесаны назад с широкого лба; длинные красивые пальцы, при кажущейся небрежности одежда отличалась аккуратностью и вкусом.

В саду буйно цвели гиацинты, нарциссы. В воздухе был разлит их аромат. Малиновая и фиолетовая бугенвиллея оплетала старинные стены.

– Это ваш дом? – спросила она.

– Я купил его год назад. Он принадлежал одной дорогой мне женщине. Я помог ей перестроить его, присылал ей мебель из тех стран, где путешествовал. Затем она решила уехать в Америку, и тогда я купил его. Мне всегда казалось, что он каким-то образом принадлежит мне.

– Не вы ли подстроили отъезд хозяйки?

– Думаете, что я манипулирую вами?

– Думаю, что вы вполне на это способны, – прямо ответила Аманда.

Их взгляды встретились, и она удивилась, насколько выразительны могут быть глаза, оставаясь при этом такими холодными.

– Я думаю, – медленно проговорил Джексон, – что я вам нравлюсь.

– Мне жаль, что я произвожу на вас такое впечатление, – с трудом проговорила девушка, чувствуя, как кровь приливает к ее щекам.

«Вернон рассердится, – подумала она. – Нельзя возражать его обожаемому Джексону».

– Так это правда? – настаивал он.

– Нет, конечно. Я невероятно признательна... мы оба... за все, что вы для нас сделали. Мы никогда не сможем сполна отблагодарить вас, и мы оба прекрасно понимаем, что не смогли бы... ничего добиться без... вас.

– И все же вы ненавидите меня. За что?

Аманда промолчала. Ей показалось, что он способен читать мысли, а она не умела скрывать свои истинные чувства.

И в то же время девушка не сомневалась, что многое зависит от ее ответа.

– Я думаю, вы не совсем честны. В отличие от меня вы умеете «промывать людям мозги».

К удивлению Аманды, майор отвел глаза.

– Извините. Я просто поинтересовался. Возможно, это наивно с моей стороны, но я почему-то был уверен, что вы, как и ваш брат, любите меня.

– Но я же не знаю вас!

– Думаю, что за время рискованных операций, в которых вы оба принимали участие, мы довольно много узнали друг о друге, хотя и не встречались.

Его лицо осветилось едва заметной лукавой улыбкой, и она помимо своей воли улыбнулась ему в ответ, хотя ее не оставляло тяжелое чувство, что она делает что-то не по своей воле. Джексон хотел, чтобы она ему доверяла, хотел убедиться в ее лояльности.

– Вы еще очаровательнее, когда улыбаетесь, – одобрительно заметил Джексон.

– Вы всегда так разговариваете с людьми? – спросила Аманда. – Я не имею в виду людей, с которыми вы работаете, которыми командуете или, если хотите, которыми манипулируете.

– Трудный вопрос, – ответил майор Джексон. – Что бы я сейчас ни сказал, покажется грубым или по крайней мере не удовлетворит вас. Давайте забудем об этом и займемся нашими делами.

Ей показалось, что он старается отвлечь ее внимание, хотя она точно не знала, от чего именно.

– Очень хорошо, – ответила она.

– Операция «Макс Мэнтон» будет гораздо труднее всего того, что вы делали до сих пор. Макс Мэнтон – знаменитый писатель и к тому же очень умный и образованный молодой человек.

– А я думала, что он старый или по крайней мере средних лет, – перебила его Аманда.

– Старый Макс Мэнтон, его отец, – известный коллекционер картин, которые он покупал еще до того, как их авторы стали знаменитыми.

Он унаследовал несколько нефтяных промыслов. К тому же все, что он покупал, очень быстро начинало дорожать.

Его жена – англичанка, привлекательная, хорошо воспитанная и довольно скупая. Нас интересует их сын.

Молодой Макс Мэнтон не пожелал, чтобы его называли Макс Мэнтон-младший. Он заявил, что это заставило бы его чувствовать себя наследником отца, а у него совершенно другие склонности.

Его отец преклоняется перед ним. Когда он написал пьесу, о которой вы, должно быть, слышали, старик поставил ее, вложив в это немалые деньги.

– И потерял их?

Майор Джексон покачал головой.

– Нет, интуиция и здесь не подвела его. Все острые моменты пьесы, язвительность, с которой его сын нападал на правительство, конгресс и даже на президента – короче, на все, что в Америке считается почти святыней, – все это имело ошеломляющий успех. Пьесу ругали, поносили, писали, что она должна быть запрещена. Но она шла на сцене довольно долго и даже принесла немало пользы.

– Как вы думаете, предполагал ли Макс Мэнтон, что она принесет пользу?

– Не знаю. Мне рассказывали о молодом человеке самые разные вещи. Я никогда его не видел, хотя и знаком с его отцом, но, учитывая сложившиеся обстоятельства, я счел за лучшее не связываться с ним лично.

– Да, конечно, – согласилась Аманда.

– Скорее всего это тяжелый и жестокий человек. Я считаю, что он более чем кто-либо другой повинен в банкротстве фирмы вашего отца. Он был самым крупным акционером, и, если бы он пошел навстречу вашему отцу, это решающим образом повлияло бы на других акционеров. Так как он совершенно непредсказуем, справиться с ним будет непросто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.